

·thebigbook·

— Книги —
ЭДВАРДА РЕЗЕРФОРДА

Париж

•

Лондон

•

Нью-Йорк

•

Сарум.

Роман об Англии

•

Ирландия

•

Дублин

•

Королевский лес.

Роман об Англии

НЬЮ-ЙОРК

— Том 1 —

ЭДВАРД РЕЗЕРФОРД

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
Р 34

Edward Rutherford
NEW YORK
Copyright © 2009 by Edward Rutherford
All rights reserved

Перевод с английского Алексея Смирнова

Оформление обложки Ильи Кучмы

Карты выполнены Юлией Каташинской

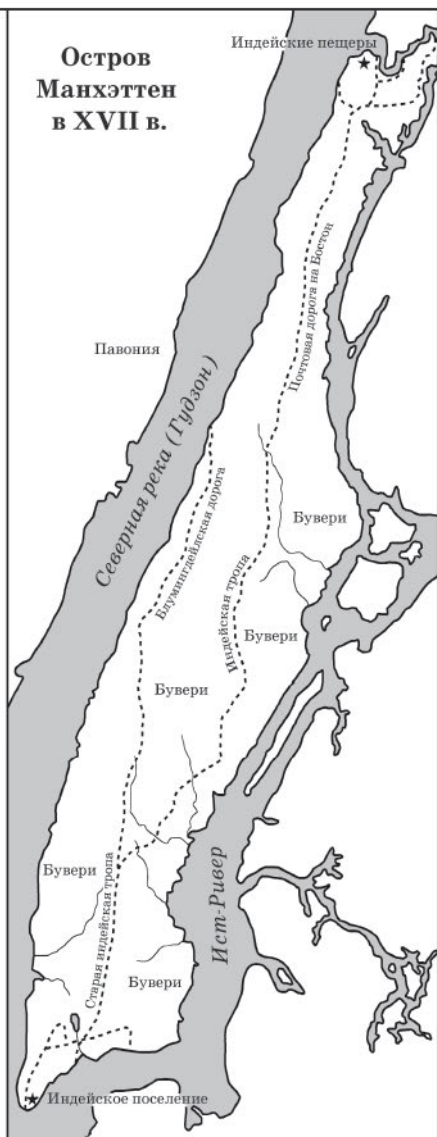
ISBN 978-5-389-15340-0 (т. 1)
ISBN 978-5-389-15339-4 (комплект)

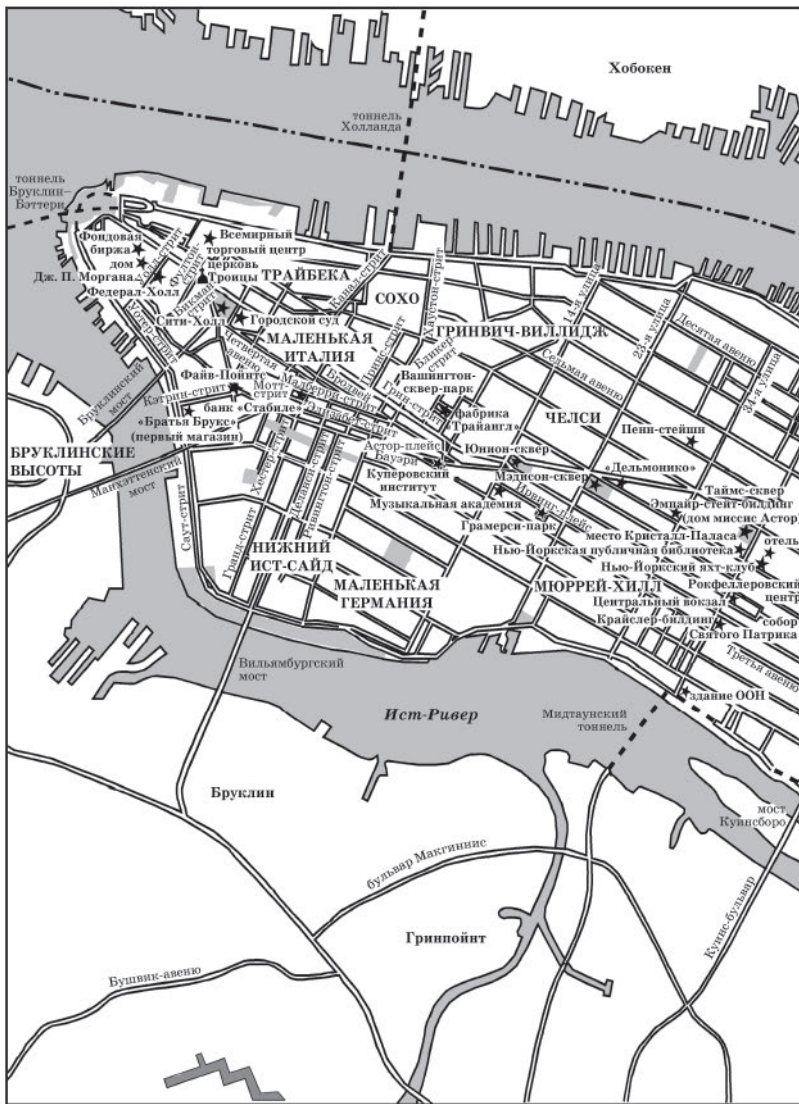
© А. К. Смирнов, перевод, 2015
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2018
Издательство АЗБУКА®

*Элеанор Джанет Уиттл,
с благодарностью до скончания дней*

СОДЕРЖАНИЕ

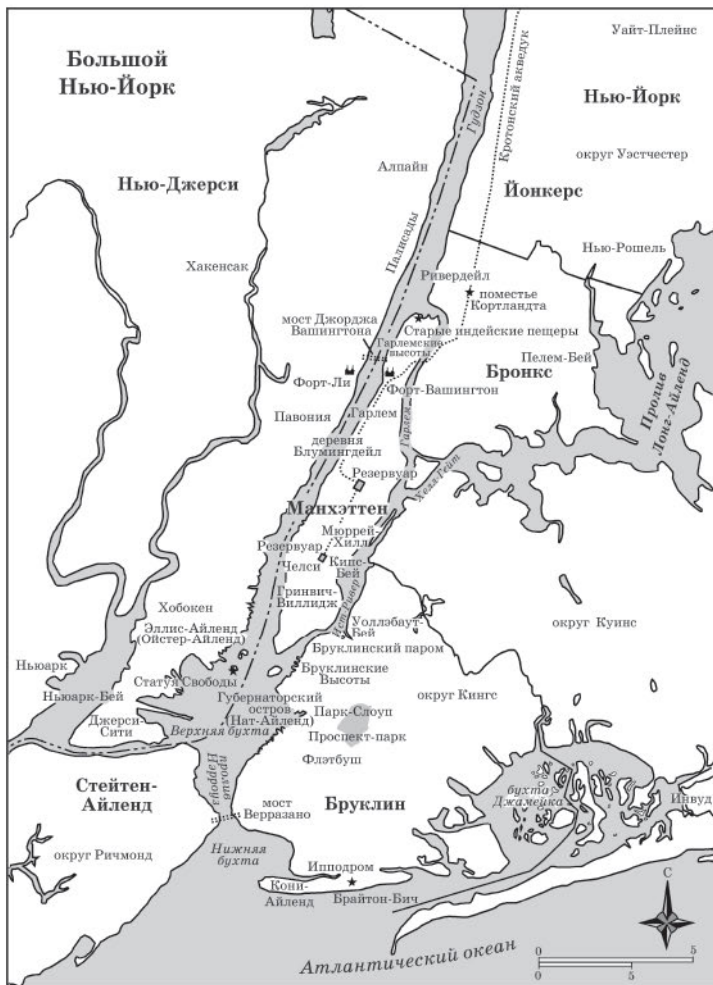
Предисловие	13
НОВЫЙ АМСТЕРДАМ	16
НЬЮ-ЙОРК	83
ДЕВУШКА ИЗ БОСТОНА	173
ДЕВУШКА ИЗ ФИЛАДЕЛЬФИИ	208
ТАВЕРНА МОНТЕЙНА	229
ЛОНДОН	247
АБИГЕЙЛ	272
ЛОЯЛИСТ	301
ПАТРИОТ	336
ВАНЕССА	342
ВОЙНА	358
ПОЖАР	391
ЛЮБОВЬ	396
СТОЛИЦА	482
НИАГАРА	493
ЗА ЧЕРТОЙ ФАЙВ-ПОЙНТС	509
КРИСТАЛЛ-ПАЛАС	532
ЛИНКОЛЬН	559

Нью-Йорк в XIX и XX вв.

Предисловие

«Нью-Йорк» — это прежде всего роман. Все семьи, судьбы которых прослеживаются по ходу повествования, являются вымышленными, как и отдельные их роли в описанных исторических событиях, но в изложении обстоятельств их жизни на протяжении веков я постарался поместить героев в окружение либо существовавшее, либо возможное.

В именах главных героев отражены корни. Ван Дейк — распространенная и запоминающаяся голландская фамилия. Мастер — вполне обычная английская, хотя мне придется признать, что по ходу того, как я обдумывал торговое будущее этого рода, связанное с Уолл-стрит, мне естественным образом пришло в голову выражение «хозяин мира»¹. Уайт — еще одна типичная английская фамилия. Келлер занимает пятидесятое место по распространенности в Германии и означает «виноторговец» или «заведующий погребом». О’Доннелл — известная ирландская фамилия, Карузо — знаменитая южноитальянская, а Адлер, означающая по-немецки «орел», встречается по всей Центральной Европе. Что касается героев второстепенных, то Риверсы вымышлены, а Альбионы фигурировали в моей книге «The Forest». На выбор имени Хуан Кампос меня вдохновил знаменитый пуэрто-ри-

¹ Master (англ.) — хозяин. — Здесь и далее примеч. перев.

канский композитор Хуан Морель Кампос. Фамилии Хамблей, насколько я знаю, не существует, но в молитвенниках XVI века в таком написании встречается слово «humbly»¹. Для толкования фамилий Ворпал и Бандерснатч читатели отсылаются к стихотворению Льюиса Кэрролла «Джаббервоки»².

С точки зрения истории придумывать пришлось очень немного. Это было сделано для гладкости изложения. Я упростил кое-какие запутанные и сложные события, но не считаю, что погрешил этим против общего смысла. Однако историческая интерпретация заслуживает некоторых пояснений.

Племена американских индейцев. Мною названы отдельные местные племена, как то: тапшаны и хакенсаки, которые по-прежнему фигурируют в топонимике, но я не захотел смущать читателя избытком названий, так как племен в Нью-Йоркском регионе было великое множество. Взамен я предпочел расхожий обычай именовать их по общей языковой группе — алгонкинами. Таким же образом были названы северные племена — ирокезы, хотя местами, где это уместно, упоминаются и отдельные группы, например могауки. Возможно, читателей удивит то, что в рассказе о раннем периоде я, говоря о коренном населении Манхэттена, не обмолвился о ленапе. Дело в том, что это название появилось позднее, и я предпочел не использовать его по отношению к людям, для которых оно ничего не значило.

В исторических трудах последнего времени, особенно в замечательной книге Рассела Шорто «The

¹ Кротко, смиренно (*англ.*).

² Это абсурдное стихотворение вошло в сказку «Алиса в Зазеркалье». Бандерснатч известен у нас как Бармаглот. Что касается Ворпала, то этим вымышленным прилагательным описывается меч — нечто вроде разящего, булатного или вострого: *vorpal sword*.

Island at Center of the World»¹, посвященной Новому Амстердаму, подчеркивается неизменность личной и гражданской свободы, которую завещали Нью-Йорку голландцы. Я попытался встроить этот труд в мой рассказ с небольшой оговоркой в том смысле, что история гражданской независимости восходит к опыту средневековой Англии и значительной части Европы.

Мое мнение, изложенное в черновике насчет того, что англичане были более жестокими рабовладельцами, чем голландцы, подверглось пересмотру в ходе бесед с профессором Грэмом Ходжесом, который подробно осветил эту тему в книге «Root & Branch».

Я предпочел поверить тому, что английский губернатор лорд Корнбери действительно был трансвеститом. Несколько заслуженных историков были достаточно любезны, чтобы одобрить мою позицию.

По мере написания книги мои представления о динамике отношений между англичанами и американцами значительно изменились благодаря общению с профессором Эдвином Дж. Берроузом, почтенным соавтором справочника «Gotham»², издавшим в то же время книгу «Forgotten Patriots»³, которая посвящена этой теме.

Нью-Йорк неисчерпаем для обсуждения и входит в число сложнейших городов мира. Любому романисту, пытающемуся объять его историю, приходится вновь и вновь выбирать. Мне остается надеяться, что читатель уловит хотя бы толику истории и духа города, который я люблю всей душой.

¹ «Остров в сердце мира» (англ.).

² Э. Берроуз и М. Уоллес. Готэм: история Нью-Йорка до 1898 года.

³ «Забывшие патриоты».

НОВЫЙ АМСТЕРДАМ

1664 год

Вот она, свобода!

Каное плыло по течению, и волны бились в носовую часть. Дирк ван Дейк взглянул на девчущку и задал себе вопрос: не было ли их путешествие ужасной ошибкой?

Большая река, манившая Дирка на север. Большое небо, звавшее на запад. Край многих рек, многих гор и многих лесов. Как далеко он простирался? Никто не знал наверняка. Только солнце, высоко над орлами совершавшее свое великое странствие к западу, могло объять его целиком.

Да, он обрел в этой глуши и любовь, и свободу. Ван Дейк был крупным мужчиной. Он носил голландские панталоны, сапоги с загнутыми носами и кожаную безрукавку поверх рубашки. Сейчас, приближаясь к порту, Дирк надел широкополую шляпу с пером и посмотрел на девочку.

Его дочь. Дитя греха. Проступка, за который по его вере полагалась кара.

Сколько ей — десять, одиннадцать? Она пришла в великое волнение, когда он согласился взять ее с собой. У нее были материнские глаза. Милое индейское дитя. Ее народ дал ей имя: Бледное Перо. Лишь светлая кожа выдавала ее происхождение.

— Скоро будем на месте.

Голландец говорил по-алгонкински, на языке местных племен.

Новый Амстердам. Торговый пост. Форт и городишко за палисадом. Но это не лишало его важности для торговой голландской империи.

Ван Дейк гордился тем, что он голландец. Пусть его страна мала, зато ее упрямые жители восстали против могущественной и алчной Испанской империи и отвоевали независимость. Именно его соотечественники построили огромные дамбы для защиты плодородных угодий от буйного моря. Именно голландцы, поселившиеся на морском берегу, создали торговую империю, возбуждавшую зависть других государств. Их города — Амстердам, Делфт, Антверпен — с высокими остроконечными зданиями вдоль величественных каналов служили раем для живописцев, ученых и вольнодумцев со всей Европы в сей золотой век Рембрандта и Вермеера. Да, ван Дейк был горд своим голландским происхождением.

В низовьях огромной реки имели место приливы и отливы. Этим утром ее влекло в океан. Днем течение обратится назад, на север.

Девочка смотрела прямо по курсу. Ван Дейк сидел напротив, откинувшись на кипу шкурок — в основном бобровых, — наваленных посреди каноэ. Оно было большим и широким, его борта — из прочного, но легкого хинного дерева. Гребли четыре индейца: два спереди, два сзади. За ними следовала вторая лодка, которой правили его земляки. Индейское каноэ понадобилось для переправки всего, что ван Дейк купил. Небо над верховьем реки предвещало позднюю весеннюю грозу; над ними оно затянулось серыми тучами. Но впереди вода сверкала.

Луч света вдруг выбился из-за тучи. Река, словно природный барабан, предупреждающе стукнула

в борт. От ветерка, похожего на игристое вино, покалывало лицо. Ван Дейк снова заговорил. Ему не хотелось ее ранить, но выхода не было.

— Молчи, что я твой отец.

Девочка скосила глаза на каменный кулончик, висевший на шее. Резное личико, расписанное черным и красным, перевернутое на индейский манер. Логично, вообще говоря: поднимешь взглянуть — и лицо уставится на тебя. Счастливый амулет. Скрытый под маской Повелитель Лесов, хранитель природного равновесия.

Бледное Перо не ответила и знай смотрела в лицо своего индейского божка. О чем она думает? Поняла или нет? Он не знал.

Из-за скал на западном берегу, напоминающих высокий каменный частокол, донесся далекий громовой раскат. Девчушка улыбнулась. Голландец подумал, что его соотечественники, тесно связанные с морем, не жаловали грозу. Она приносила им горе и страх. Но индейцы были мудрее. Они понимали, что означает гром: то боги, обитавшие на двенадцати низших небесах, защищали мир от зла.

Звук прокатился над рекой и растворился вдали. Бледное Перо бережно, с проблеском глубокой благодарности опустила амулет, затем подняла взгляд:

— Я увижу твою жену?

Дирк ван Дейк чуть глотнул воздуха. Его жена Маргарета не ведала, что он уже рядом. Он не сообщил о своем возвращении. Но мог ли он рассчитывать всерьез, что утаит девочку от жены? Он неуклюже обернулся и посмотрел на реку. Они уже достигли северной оконечности узкого острова Манхэттен, и их несло по течению. Поворачивать поздно.

Маргарета де Гроот медленно затянулась и, не выпуская из чувственного рта глиняной трубки, оценивающе взглянула на человека с деревянной ногой, прикидывая, каково с ним спать.

Высокий, решительный правдолюб с буравящим взглядом, он поседел и был уже далеко не юн, но держался молодцом. Что до ноги, она была знаком доблести и напоминала о былых сражениях. Другой бы помер от такого ранения, но только не Питер Стайвезант. Он двигался по улице с удивительной скоростью. Взглянув на прочную отполированную деревяшку, Маргарета позволила себе слегка задрожать, хотя он и не заметил.

Что он думает о ней? Она не сомневалась, что нравится ему. Почему бы и нет? Она была красивой, цветущей женщиной за тридцать, с широким лицом и длинными светлыми волосами. Но, в отличие от многих голландок, не расплнела — все на месте, изящные и откровенно соблазнительные формы. Что касалось пристрастия к трубке, то этим славилось большинство голландцев обоих полов.

Он заметил ее, остановился и улыбнулся:

— Доброе утро, Грет.

Грет. Фамильярное обращение. Как и большинство голландок, Маргарета ван Дейк жила под своим девичьим именем — Маргарета де Гроот — и считала, что именно так он и должен ее называть. Конечно, он знал ее ребенком. Но все равно... Обычно он держался сугубо официально. Она едва не залилась краской.

— Всё в одиночестве?

Она стояла перед своим домом. Типичный голландский городской дом — простой, прямоугольный, в два этажа, с деревянными стенами и выходившей на улицу узкой, заостренной частью. Невысокое крытое крыльцо перед большой входной дверью — голланд-

ская особенность. Окна были невелики, но впечатление усиливалось благодаря высокому фронтому с уступами, столь милому голландцам, а также флюгеру, венчавшему крышу.

— Муж еще в верховье реки? — спросил Стайвезант, и она кивнула. — Когда вернется?

— Кто его знает, — пожалала она плечами.

Грех было жаловаться на дела, призывавшие мужа на север. Пушная торговля, особенно ценнейшими бобровыми шкурками, приобрела такой размах, что местные индейцы перебили едва ли не все зверье. Ван Дейку часто приходилось отправляться подальше на север и пополнять запасы у ирокезов. Он замечательно преуспел в этом.

Но почему он так долго отсутствует? На заре их брака он отлучался лишь на пару недель. Но постепенно стал задерживаться все дольше. Дома он был хорошим мужем, внимательным к ней и любившим детей. И все же она чувствовала, что ею пренебрегают. Не далее как нынешним утром дочурка спросила, когда же вернется отец. «Как только сможет, — улыбнулась она. — Будь спокойна». Но вдруг он ее избегает? Не завел ли себе других женщин?

Верность не была пустым звуком для Маргареты де Гроот. И вряд ли стоило удивляться тому, что она, заподозрив мужа в измене, мысленно обвинила его в моральной слабости и, мечтая очутиться в руках более праведных, позволила внутреннему голосу шепнуть: «Ах, был бы он похож на губернатора Стайвезанта!»

— Трудные времена, Грет. — (Она уловила печаль в его голосе, хоть та и не отразилась на лице губернатора.) — У меня, знаешь ли, есть враги.

Он доверялся ей. Она слегка разволновалась. Ей захотелось положить руку ему на плечо, но она не посмела.

— Проклятые англичане.

Она кивнула.

Голландская торговая империя раскинулась от стран Востока до обеих Америк, но английские купцы наступали на пятки. Случалось, что обе протестантские нации объединялись против общих врагов — католических Испании и Португалии, — но бóльшую часть времени соперничали. Конкуренция усилилась пятнадцать лет назад, когда Оливер Кромвель с его богоугодной армией сорвал корону — а заодно и голову — с английского короля Карла. Голландцы наладили доходную работорговлю с Африкой и странами Карибского бассейна. Задача Кромвеля была очевидна.

«Работорговля должна отойти к Англии».

Многие честные голландцы сомневались в моральном праве на эту бесчеловечную торговлю людьми. У праведных английских пуритан таких забот не было. И вскоре Кромвель отобрал у испанцев Ямайку и превратил ее в работорговую базу. Четыре года назад, когда Кромвель умер и на английском троне восстановили второго короля Карла, эта политика не изменилась. До Нового Амстердама уже дошли вести о нападении англичан на голландские работорговые порты на побережье африканской Гвинеи. И через океан пополз слух, что им понадобилась не только голландская работорговля, но и новоамстердамский порт.

Новый Амстердам был невелик: форт, пара ветряных мельниц, церковь с острым шпилем, канал, больше смахивавший на здоровенную канаву, да еще несколько улиц, где стояли дома с уступчатыми фронтонами, и все это вкупе со скромными фруктовыми садами и огородами скрывалось за стеной, которая тянулась через южную оконечность Манхэттена с запада на восток. Но город обладал историей. Голланд-

ская Вест-Индская компания, воспользовавшись преимуществом просторной природной гавани, основала там торговый пост еще за десять лет до отплытия «Мейфлауэра». И ныне, по истечении полувека бурной деятельности, сменявшейся периодами затишья, Новый Амстердам превратился в шумный порт в окружении поселений, раскинувшихся на десятки миль окрест, — территория, которую голландцы называли Новыми Нидерландами.

И у города уже был характер. Голландцы и их соседи-протестанты, франкоязычные валлоны, на протяжении двух поколений сражались за независимость против господствовавшей над ними католической Испании. И победили. Голландцы с валлонами совместно основали Новый Амстердам. Сорок лет назад право поселиться на Манхэттене выкупил у индейцев валлон Петер Минёйт, чье имя до сих пор произносилось на французский лад. И это место с самого основания прониклось суровым независимым духом протестантских купцов разных кровей.

Но главным являлось расположение. С военной точки зрения форт не особенно впечатлял, но он главенствовал на южной оконечности острова Манхэттен по-над широкими водами отлично защищенной бухты и охранял подступы к большой Северной реке.

А правил им Питер Стайвесант.

Враг был на подходе. Жители Новой Англии из Массачусетса и особенно из Коннектикута, ведомые их недостойным губернатором Уинтропом, уже предпринимали попытки завладеть дальними голландскими территориями. Стайвесант отгородил северную часть города прочной стеной и палисадом, а англичанам вежливо объяснили, что это «против индейцев». Но дураков не было. Стена защищала от англичан.

Губернатор все смотрел на Маргарету:

— Ладно, если бы англичане были моим единственным врагом.

Ах, бедняга! Он был слишком хорош для них, ничемных жителей Нового Амстердама.

В городе насчитывалось тысячи полторы человек. Примерно шестьсот из них были голландцами и валлонами, триста — немцами и почти столько же — англичанами, которые предпочли жить под голландским правлением. Прочие стянулись со всего мира. Были даже евреи. И много ли среди них всех честных и праведных? Не очень, по ее мнению.

Маргарета не была набожна. Голландская реформатская церковь исповедовала суровый кальвинизм, а Маргарета не всегда соблюдала ее предписания. Но теми немногими, сильными духом, истинными кальвинистами она восхищалась — такими, как старый пастор Богард и Стайвесант. Они хотя бы ратовали за порядок.

Разве поддерживали купцы Стайвесанта, когда тот запрещал пьянство и откровенно языческие праздники или пытался оградить город от глупых квакеров и несносных анабаптистов? Да никогда. Нельзя было положиться даже на Голландскую Вест-Индскую компанию, которой он служил. Когда из Бразилии пожаловали сефардские евреи и Стайвесант велел им убраться, компания приказала: «Пусть останутся. Это народ деловой».

Никто не отрицал, что он был отличным губернатором. До него правили в основном продажные шуты. Один идиот даже развязал бессмысленную войну с индейцами и чуть не погубил колонию. Но Стайвесант научился править мудро. На севере он загнал англичан в тупик. На юге в два счета расправился с возникшей на реке Скулкилл шведской колонией, когда та стала доставлять беспокойство. Он поощрял

торговлю сахаром и начал ввозить все больше рабов. С каждым кораблем из Голландии прибывали балластом лучшие кирпичи для постройки городских зданий. На улицах было чисто, появилась маленькая больница, а в школе преподавали латынь.

Но был ли народ благодарен? Конечно нет. Его власть вызывала негодование. Эти болваны даже вообразили, будто способны править самостоятельно. Это они-то? Маргарета глубоко сомневалась.

Хуже всех был двуличный стряпчий ван дер Донк. Его прозвали Йонкером, то есть сквайром. Это он подсиживал губернатора, он писал письма в Вест-Индскую компанию и публиковал клеветы — все что угодно, только бы сковырнуть Стайвесанта. И ради чего? «Йонкер — певец свободы», — говаривал ей муж. «Дурни! — кричала она. — Он любит только себя! Стоит ему занять место Стайвесанта, и он тебя прижмет!»

К счастью, Йонкеру не удалось сместить Стайвесанта, но он ухитрился прибрать к рукам большое поместье на севере города. Он даже написал книгу о Новых Нидерландах, и муж клятвенно заверял Маргарету, что очень недурную. Теперь негодяй был мертв — слава богу! Но жители Нового Амстердама продолжали называть его поместье владением Йонкера, как будто он был еще там. А его пример оказался столь заразительным для других купцов, что Стайвесант, по мнению Маргареты, не должен был верить никому из них.

Жесткий взгляд губернатора уперся в нее.

— Могу я на тебя положиться, Грет?

У нее екнуло в груди. Ничего не поделаешь.

— О да.

Он, разумеется, состоял в счастливом браке. По крайней мере, так ей казалось. Он и его жена Джудит

Байард жили на ферме — бувери, как ее называли голландцы, — и были, судя по всему, совершенно довольны. Джудит была старше Питера. Она вышла за него после того, как он потерял ногу, а потом вышла за него замуж. Насколько знала Маргарета, у него был только один роман, в молодости, задолго до знакомства с Джудит. Маленький скандал. Тем лучше для него, считала она. Иначе он мог стать кальвинистским священником по примеру отца, вместо того чтобы устроиться в Вест-Индскую компанию и отправиться за удачей в дальние края.

— А муж? На него я могу положиться?

— Мой муж?

Знать бы, где его носит. Бегает от нее.

Ну, с этим придется кончать. Пока его не было, она поразмыслила и составила план на будущее, которое станет отраднее. Хорошо, что обычай предоставлял голландкам намного больше свободы — и власти, — чем женщинам других народов. Благодарение Господу за добрачные соглашения. У нее были очень четкие планы насчет Дирка ван Дейка, когда тот вернется.

— О да, — повторила она. — Он сделает, как я скажу.

— Я иду в форт, — сообщил Стайвесант. — Пройдешься со мной?

Лондон. Погожий весенний день. Темза была забита кораблями. Томас Мастер взирал на стоявшее перед ним судно и пытался принять решение.

В руке он держал письмо от своего брата Элиота, где сообщалось о кончине отца. Том был слишком честен, чтобы изображать скорбь. Ему было двадцать два, и теперь он обрел свободу.

Итак, на чем остановиться? Америка или Англия?

Резерфорд Э.

Р 34 Нью-Йорк : роман. Т. 1 / Эдвард Резерфорд ; пер. с англ. А. Смирнова. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. — 576 с. — (The Big Book).

ISBN 978-5-389-15340-0 (т. 1)

ISBN 978-5-389-15339-4 (комплект)

Город, основанный голландцами в 1626 году и получивший название Новый Амстердам. Город, через полстолетия захваченный англичанами. Город, в конце XVIII века ставший временной столицей США. Нью-Йорк. Сердце Америки. Крупнейший порт, подплывая к которому вы видите символ этой страны — статую Свободы.

Захватывающий рассказ об индейских племенах, живших на территории, где голландцы начнут строить город, который станет потом одной из финансовых столиц мира. Увлечательная история нескольких семей, живших в этом городе на протяжении нескольких столетий. Первые поселенцы, участники Войны за независимость, Гражданской войны, африканские рабы, женщины из высшего общества, строители небоскребов и итальянские мафиози... В романе великолепно сочетаются романтика, семейные драмы и личные победы, в нем блестяще отражены поиск свободы и процветания в самом сердце Америки.

Это роман для всех тех, кто побывал в Нью-Йорке и полюбил этот город.

Эта книга для всех тех, кому еще предстоит там побывать.

УДК 821.111

ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание

ЭДВАРД РЕЗЕРФОРД

НЬЮ-ЙОРК

Том 1

Ответственный редактор Ольга Рейнгерверц

Редактор Ольга Давидова

Художественный редактор Виктория Манацкова

Технический редактор Татьяна Тихомирова

Компьютерная верстка Ирины Варламовой

Корректоры Светлана Федорова, Маргарита Ахметова

Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 10.12.2020. Формат издания 75 × 100^{1/32}.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 25,38. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

И-МБВ-23719-03-R